

БЕРА МЮРКХЕЙН (Таллин)

ЭСТОНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ОДНОМ ИЗ РУССКИХ ГОВОРОВ ЭСТОНСКОЙ ССР

1. Со второй половины прошлого столетия исследователи проявляют неослабевающий интерес к вопросам западнофинских и русских языковых отношений.¹ Наличие прибалтийско-финских заимствований в русском языке и русских народных говорах служит одним из веских доказательств древних политико-экономических и культурно-этнических контактов финно-угорских и славянских племен. К нашему времени в большей степени изучены прибалтийско-финские заимствования в севернорусских народных говорах², что нельзя сказать о среднерусских говорах западной зоны, в том числе и островных, развивавшихся в течение столетий в иноязычном окружении.

Автор настоящей статьи приводит наблюдения над эстонскими лексическими заимствованиями в русском старожильческом говоре с. Мехикоорма.

2. Район Мехикоорма принадлежит к территории позднего распространения русского языка. В памятниках письменности не сохранилось точных данных о времени заселения этой местности русскими. Эстонское население появилось на этом участке Причудья также сравнительно

¹ Я. Грот, Слова областного словаря, сходные с финскими. — Филологические разыскания, т. I, изд. 2-е, Санкт-Петербург 1876, стр. 470—474; М. Веске, Славяно-финские культурные отношения по данным языка, Казань 1890; A. Genetz, Tutkimus Venäjän karjalan kielestä. — Suomi 14, Helsingfors 1881; J. J. Mikkola, Berührungen zwischen den westfinnischen und slawischen Sprachen (= MSFOu VIII), Helsingfors 1894; его же, Die älteren Berührungen zwischen Ostseeфиннisch und Russisch, Helsinki 1938; J. Kalima, Die ostseeфиннischen Lehnwörter im Russischen, Helsingfors 1915; F. Oinas, Russian and Eastern Balto-Finnic Linguistic Contacts, s'Gravenhage 1958; P. Ariste, Slaavlaste ja läänemerelaste vanimaist keelilisist kokkupuuteist. — Looming 1952, стр. 698—706; его же, Vene laensõnadest vanemas eesti kirjakeeles. — KK 1958, стр. 25—33; M. Must, Vene-eesti suhete kajastamine lõuna-eesti murrete sõnavaras. Tallinn 1954 (канд. дисс., рукопись); J. Mägiste, Äldre ryska lånord i estniskan särskilt i det gamla estniska skriftspråket, Lund 1962.

² Отметим некоторые работы последних лет, посвященные данной проблеме: И. В. Сало, О некоторых прибалтийско-финских и саамских заимствованиях в русских говорах поморов Карелии. — СФУ II 1966, стр. 13—18; его же, Некоторые выводы о прибалтийско-финских заимствованиях и их освоении в севернорусских говорах карельского Беломорья. — СФУ II 1966, стр. 91—97; А. С. Герд, Из истории прибалтийско-финских заимствований в современной русской ихтиологической терминологии (ряпис, ряпушка, лудога). — Вопросы теории и истории языка, Ленинград 1969, стр. 164—170; А. И. Федоров, Освоение заимствованных слов в среднерусских говорах. — Диалектная лексика. 1969, Ленинград 1971, стр. 219—227; Т. Г. Доля, В. С. Суханова, Структура прибалтийско-финских заимствованных слов в русских диалектах Карелии (имена существительные). — Прибалтийско-финское языкознание, вып. 5, Ленинград 1971, стр. 52—57.

поздно, не ранее конца XIII или начала XIV века в результате внутренней колонизации. Рано установившиеся контакты между русскими и эстонцами, возникшие первоначально на базе обмена продуктами производства, со временем укрепились благодаря смешанным бракам и распространению лютеранства. Позднее среди русских практиковалось отходничество. Не только взрослое население, но и дети постоянно работали батраками в эстонских богатых хозяйствах. Мужчины уходили на строительные работы (по-местному «в мурную работу»). Все эти обстоятельства способствовали развитию билингвизма в русской среде, возникшего естественным путем как жизненная потребность.³

Таким образом, начало взаимодействия русского и эстонского языков происходило в донациональной форме в виде контактирования двух неродственных диалектов. В последние десятилетия этот процесс стал протекать при заметном влиянии литературных форм обоих языков.

В настоящее время коммуникативные функции русского и эстонского языков не имеют четких разграничений. Оба языка обслуживают производственную, бытовую и культурную жизнь местного населения, административную — преимущественно эстонский. (Нередко в «самых русских» семьях члены семьи между собою говорят по-эстонски).

3. Тесные и продолжительные контакты русского населения с эстонским привели к многочисленным лексическим заимствованиям, часть которых свойственна общенародному эстонскому языку в целом, часть — близлежащим вырусско-тартуским южноэстонским говорам.

Проникновение эстонской лексики (или другой иноязычной посредством эстонского языка) в словарь носителей русского говора происходит вплоть до наших дней. Преобладающая часть эстонских слов, как местных диалектных, так и общенародных, переходила в русский говор устным путем через живую разговорную речь. Однако следует отметить, что заимствования позднейшего времени могли проникнуть в лексикон русских непосредственно из эстонского литературного языка. Это обуславливается тем, что многие из русских постоянно читают эстонские периодические издания и книги, часть русской молодежи получает (или продолжает) образование на эстонском языке. Заимствованные таким путем слова носят книжный характер и обозначают, как правило, понятия нового уклада жизни, современного быта, социальных отношений и т. п. Эстонские лексические заимствования в русских говорах частично освещались в работах ряда исследователей.⁴

4. Имеющийся в нашем распоряжении материал по данному вопросу позволяет выделить отдельные лексико-семантические группы.

1) Термины сельскохозяйственного производства:

áдралуйтс 'лемех' < вып. (вырусский диалект) *adraluits* то же⁵;
káлика ~ *káлья* 'брюква' < эст. *kaalikas* то же;

³ Подробнее см.: В. В. Мюркхейн, Фонетико-фонологическое и морфологическое описание русского старожильческого говора Мехикоорма Эстонской ССР. Автореферат канд. дисс., Москва 1971, стр. 3—6.

⁴ М. Must, Vene-eesti kakskeelsus Kirde-Eestis. — Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost, Tallinn 1965, стр. 114—115; А. Viires, Sõnavaralisi paralleele Peipsi-tagustes vene murrakutes ja eesti keeles. — КК 1959, стр. 101—106; Т. Murnikova, Ühest murdelekseemist Eesti vene murrakutes. — КК 1971, стр. 363; J. Mägiste, Etümoloogilisi märkmeid setu murdeaineste puhul. — ЕК XIV 1935, стр. 141—143; Е. В. Рихтер, Заметки о терминах сельскохозяйственных орудий и жилища у русских западного Причудья. — Труды прибалтийской диалектологической конференции 1968 г., Тарту 1970, стр. 175—187.

⁵ Настоящая и последующие ссылки на эстонский язык и его диалекты основаны на материалах картотеки диалектологического словаря эстонского языка Института языка и литературы АН ЭССР.

ка́рьяма 'пастбище' < эст. *karjamaa* то же;
ко́пель ~ *ко́пля* 'выгон для скота' < эст. *koppel* то же;
кра́цлик 'маленькие трехзубные грабли в основном для рытья карто-
 феля' < выр. *kraatsli* (ср. эст. *kratsima* 'царапать, скрестить');
крэ́с'с'ид 'садовое растение; *Tropaeolum; Nasturtium*' < эст. *kreßs* 'на-
 стурция';
ко́блик 'окучник, мотыга' < выр., тарт. (тартуский диалект) *kõbli* ~
kõblas то же;
ка́ра 'ручная тележка, тачка' < эст. *käru* то же;
ла́та 'поперечная жердь в изгороди' < эст. *latt* 'жердь, шест';
ре́дель 'приставная лестница, приспособление для сушки клевера, сена
 и др.' < эст. *redel* то же;
рей 'помещение для сушки и обмолота зерна' < эст. *rehi* 'овин, рига';
си́булька — сорт яблок < эст. *sibulõun* то же.

2) Названия частей двора и дома:

айд ~ *айан* 'огород, загородка для кур, цыплят' < выр., тарт. *aiá*, инес-
 сив *aiap* 'огород';
ла́хтрик 'стойло для одной лошади' < выр. *lahtri* то же;
муро́к 'часть открытого двора между надворными постройками и до-
 мом' < выр. *muro* ~ *moro* 'место перед домом (может быть огоро-
 женное)';
па́хта ~ *па́хточка* 'помещение внутри закрытого двора для свиней или
 овец' < выр., тарт. *paht* 'помещение для свиней';
тре́пка 'лестница на крыльце, ступеньки' < эст. *trepp* 'лестница, сту-
 пеньки';
сафре́йка ~ *шафре́йка* 'кладовая, чулан' < эст. *sahver* то же.

3) Обозначение продуктов питания и напитков:

азу́ник 'бутылка водки емкостью в четверть литра' < эст. разгов. *asunik*
 то же⁶;
ве́йн 'вино, в основном ягодное, домашнего приготовления' < эст. *vein*
 'вино';
ве́риворсти 'кровяная колбаса' < эст. *verivorst* то же;
кли́мпки 'клецки' < эст. *klimp*, им. мн. ч. *klimbid* 'клецки';
клысь ~ *клысьс* 'снятое молоко' < выр. *klõss* то же;
корп ~ *ко́рпик* 'ватрушка' < эст. *corp* то же;
се́пик 'хлеб из непросеянной пшеничной муки' < эст. *sepik* то же.

4) Обозначение понятий домашнего обихода:

ка́рзить 'чесать шерсть' < выр. (Пыльва, Ряпина и др.) *kaarõma* то же;
корв ~ *ко́рвик* ~ *корфик* 'корзина для картофеля и пр.' < эст. *korv*
 'корзина';
кю́фель 'совок, лопата' < эст. *kühvel* то же;
ка́ська 'шайка' < выр., тарт. *käs(š)ik, käsik* 'шайка, подойник';
ли́ник 'длинная узкая салфетка на столе или комод' < эст. *linik* 'поло-
 тенчатый женский головной убор, узкая салфетка';
лы́йма 'бумажная пряжа' < эст. *lõim* 'пряжа, основа';
ля́ник 'небольшая кадушка, зауженная снизу, для хранения масла' <
 эст. *lännik* то же;
па́сталы 'вид обуви типа лаптей' < эст. *pastlad* 'старинный вид обуви
 (лапти)';
по́тька 'ночной горшок' < эст. *pott*, выр. *poff* 'горшок';
си́флик ~ *шү́флик* 'выдвижной ящик комода, стола, буфета' < эст. раз-

⁶ Т. Мурникова, указ. раб., стр. 363.

гов. *suhvel*, выр. *suholi* то же;
съярики ~ *съярикуд* 'сапоги с голенищами' < эст. *säärikud* то же.

5) Термины рыболовства:

вймба ~ *вймба-кала* 'рыбец' < эст. *vimb* 'рыбец';

максо 'печень рыбы, реже — печень др. животных' < эст. *maks* 'печень (любого живого организма)';

рисиц ~ *рисиц*, мн. ч. *рисицы* 'приспособление для рыбной ловли типа мережи' < эст. *rüsa*, сету *rihits* то же.⁷

6) Слова, связанные с социальными отношениями прошлого и народной обрядностью:

күбияс ~ *күбьяс* 'надсмотрщик, бурмистр' < эст. *kubjas* то же;

мономис 'батрак, рабочий в помещичьем хозяйстве' < выр. *toonamiis* то же;

мьиза 'поместье', *мьизник* 'помещик' < эст. *mõis* 'поместье';

кайтселиты 'члены реакционной организации в буржуазной Эстонии' < эст. *kaitseliit* — название указанной организации;

мардпяэв 'осенний, эстонский народный обрядовый праздник 10 ноября по новому календарю' < эст. *mardipäev*;

мартики 'ряженые, ходившие в *мардпяэв* по домам с песнями, танцами и пр.' < эст. разгов. *mardid* то же < собств. мужское имя *Mart*;

кадрипяэв 'эстонский народный обрядовый праздник 25 ноября' < эст. *kadripäev*;

кадрики 'ряженые в *кадрипяэв*' < эст. разгов. *kadrid* то же < собств. женское имя *Kadri*.

7) Антропонимы:

сүзик 'прозвище мужчины' < южноэст. *susi* 'волк';

юкачйха 'жена Юку' < эстонское мужское имя *Juku*.

8) Группа слов с разной семантикой:

пиду 'праздник, гулянье' < эст. *pidu* 'праздник';

плац 'место на кладбище, выбранное или купленное для захоронения, или другое место специального назначения' < эст. *plats* 'место, площадка';

пүсад 'бедро' < эст. *puusad* то же;

хыйкают 'окликают, подзывают' < эст. *hõikama* 'кликать, окликать';

рүиметр ~ *руум* 'кубический метр' < эст. *ruumimeeter* то же;

руль 'рулон' < эст. *rull* то же;

эхитускрунт ~ *крунт* ~ *грунт* 'земельный участок, предназначенный для застройки' < эст. *ehitus* 'строительство', *krunt* 'участок земли, грунт';

яхта 'охота' < эст. *jaht* то же.

Новые социальные отношения, современный уклад жизни и быт отражаются в следующих заимствованиях-неологизмах:

ауго 'автомобиль' < эст. *auto* то же;

бусь ~ *бусь* 'автобус' < эст. *buks* то же;

буссиям 'автобусная станция' < эст. *buksiijaam* то же;

выйстус ~ *выйстлус* 'соревнование' < эст. *võistlus* то же;

инвентур 'инвентаризация' < эст. *inventuur* то же;

каарт ~ *карт* 'почтовая или поздравительная открытка' < эст. *kaart* то же;

камина 'камин' < эст. *kamin* то же;

клима 'климат' < эст. *kliima* то же;

⁷ Подробнее о взаимном заимствовании этого слова русскими и эстонцами см.: J. Mägiste, Etümolooilisi märkmeid setu murdeaineste puhul, стр. 142.

лэннук 'самолет' < эст. *lennuk* то же;
 лóмакасватая 'животновод' < эст. *loomakasvataja* то же;
 мýдель 'модель' < эст. *mudel* то же;
 мýзеум 'музей' < эст. *muuseum* то же;
 пýрандаламп 'торшер' < эст. *põrandalamp* то же;
 рáматукогу нýкукогу 'читательский актив' < эст. *raamatukogu nõukogu*
 то же;
 тóрддиалус 'подставка для торта, блюдо' < эст. *tordialus* то же и др.

5. Не все рассмотренные заимствования генетически восходят к эстонскому языку. В числе их мы можем отметить германизмы, балтизмы и в позднейшем слое заимствований — целый ряд интернационализмов, имеющих также свою «родословную». Однако в нашу задачу не входит определение генетического источника каждой заимствованной лексемы. С другой стороны, в науке о языке еще не установилось единое мнение по вопросу о том, к какому языку следует отнести заимствованное слово: к тому, из которого оно непосредственно пришло, или к которому принадлежит генетически.

При решении данной проблемы в пользу языка-посредника материалом могут служить интернационализмы, проникшие в рассматриваемый говор из двух различных источников — из эстонского литературного и русского литературного языков, в которые они, в свою очередь, могли прийти разными путями. За время пребывания в системах языков-посредников слова-интернационализмы в силу языковой аттракции существенно преобразовали свою фонетико-морфологическую структуру. В результате этого в говоре можно наблюдать такие параллельные лексические инновации, как *инвентýр* — *инвентаризация*, *áвто* — *áвто*, *автомобиль*; *мýдель* — *модéль*, *мýзеум* — *музéй*, *руль* — *рулón*, *клíма* — *клíмат* и др.

Среди заимствований выделяется группа слов, известных как другим русским говорам Эстонии: *сýрики*, *сýрикуд*, *пáстор*, *мýза*, *мýзник*, *сéник*, *кáрзить*,⁸ так и на территории соседних Псковской и Ленинградской областей: *рéдель*, *кóрфик*, *áзуник*⁹ и др.

Большая часть заимствований восходит к эстонской диалектной или общенародной лексике. Это, как правило, такие слова, которые обозначают понятия крестьянского быта, сельскохозяйственного производства, части крестьянской усадьбы, народной обрядности: *кáрзить*, *лýник*, *кльсь*, *рей*, *áдралуйтс*, *сýбулька*, *пáхта*, *мурóк*, *мáртики*, *кáдрики* и др. Их можно отнести к наиболее ранним заимствованиям, проникновение которых в русский говор обусловлено различием в укладе жизни прошлого русского и коренного эстонского населения.

Определенную группу заимствований составляют слова, принадлежащие эстонскому литературному языку. Они обозначают предметы и явления современной материальной и духовной культуры, новые производственные отношения, абстрактные понятия — *пýрандаламп*, *мýзеум*, *кíрьяндусхоммик* 'литературный утренник', *вýйстлус*, *инвентýр* и др. Семантика этих слов позволяет отнести их к числу поздних заимствований. Одной из основных причин появления неологизмов в русском говоре на базе эстонского литературного языка, видимо, следует считать тот факт, что территория распространения говора находится в границах Эстонской ССР (ранее — буржуазной Эстонской республики), следовательно, в сфере влияния эстонского литературного языка. Коммуникативная функция языка в данном случае проявляется наиболее

⁸ М. Must, Vene-eesti kakskeelsus Kirde-Eestis, стр. 114—115.

⁹ Е. В. Рихтер, указ. раб., стр. 179.

ярко: новые понятия доходят до членов языкового коллектива (как русского, так и эстонского) через эстонский язык. Русские обозначения реалий узнаются носителями русского говора позже, в отдельных же случаях остаются неизвестными. Например, *пырандаламп* как реалья и ее обозначение широко известны в эстонском быту и языке не только города, но и деревни. Русское обозначение реалии *торшер* (фр. *torchère*) мало известно широким слоям народа, так как сам предмет получил распространение в основном в городском быту. Поэтому, естественно, что русские жители, воспринимая из эстонской среды предмет, усваивали и его обозначение.

Среди заимствований известен целый ряд слов, являющихся единственными обозначениями реалий: *сибулька*, *мурок*, *крэссид*, *ляник*, *сэник*, *тордиалу*. В некоторых случаях русские варианты известны носителям говора, но почему-то не употребляются, находясь в пассивном запасе словаря. Так, в речи активны *максó*, *карзить шерсть*, *азуник*; их русские соответствия *печень*, *чесать шерсть*, *четвертинка* могут быть употреблены в том случае, если собеседник не понял, о чем идет речь. Иногда местный житель дает такие пояснения: «... у нас *климпики*, а *клецки* за озером (т. е. на восточном берегу озера); *клысь* — это прогонное молоко». При этом русское словосочетание *прогонное молоко* — калька: эст. *läbiaetud piim*.

Для обозначения многих реалий равноценно активны в употреблении как заимствованные, так и свои национальные средства выражения, например, *мызник* — *помёщик*, *бусь* — *автобýс*, *яхта* — *охóта*, *пýсад* — *бédра*, *корп* — *ватрýшка* и др. Судьба образования дублетов, видимо, не одинакова. В одних случаях дублеты появляются и параллельно функционируют в силу того, что реалья, обозначаемая ими, хотя одна и та же, но имеет у контактирующих групп населения свои национальные или социальные особенности. Ср. *кёрка*, *пáстор*, *пýду* — *цёрква*, *бáтюшка*, *пράздник* (гулянье). Вероятно, так же в свое время различались дублеты *мызник* — *помёщик*. Можно полагать, что определенная часть дублетов сохраняется ввиду ситуации двуязычия. Носители русского говора часто вставляют в родную речь эстонские слова. Те из них, которые несут на себя больше экспрессии или семантически более емки по сравнению с русскими параллелями, употребляются чаще, вначале как варваризмы, но постепенно закрепляются в словаре на правах заимствований, подвергаясь определенным фонетико-морфологическим преобразованиям. Сосуществование таких семантически и стилистически равноценных слов, как *бусь* — *автобýс*, *áуто* — *мáшина*, *мýзеум* — *музéй*, можно объяснить лишь одновременным влиянием на говор двух литературных языков — эстонского и русского, и относительно слабыми контактами с основным массивом русского языка.

6. Подавляющее большинство эстонских слов перешло в русский диалект без изменения в значении: *кáлья*, *мурок*, *áдралуйтс*, *трéпка*, *руль*, *климпики*, *сэник*. Однако отдельные заимствования употребляются в более узком значении по сравнению с языком-источником. Как известно, такого рода семантический сдвиг бывает вызван необходимостью выразить заимствованным словом видовое, частное понятие, для выражения же общего понятия в языке-рецепторе имеются свои средства.¹⁰ Ср. эст. *pott* 'горшок', рус. диал. *пóтька* 'ночной горшок'; выр. *тиро* 'незастроенное место вокруг дома', в русском говоре *мурок* 'часть открытого двора'; эст. *käsik* 'деревянная шайка с одной ручкой разного хозяйственного назначения', заимствование *кяська* лишь 'посуда для

¹⁰ А. И. Федоров, указ. раб., стр. 224.

мытья в бане'. Аналогичный процесс происходит со словом *максó*, которое чаще употребляется в значении 'рыбья печень', хотя в эстонском языке *maks* 'печень (любого животного)'. Реже наблюдается обратный процесс, т. е. заимствованное слово развивается более общее, родовое понятие по сравнению с языком-источником: эст. *paht* 'загородка для свиней', в говоре *páhta* — 'загородка для мелкого скота'.

Как уже отмечалось в литературе, заимствования очень редко полисемичны. Они, как правило, однозначны и в этом отношении сближаются с терминами.

7. Общеизвестно, что при переходе из одного языка в другой в первую очередь подвергается изменениям фонетическая сторона слова и существенным образом в тех участках, где фонетический состав заимствованного слова противоречит артикуляционной базе языка-рецептора. В рассматриваемом говоре при освоении эстонских слов наибольшие изменения претерпели гласные и согласные на второй и третьей ступени долготы. Так как фонетической системе русского языка не свойственно противопоставление гласных и согласных по признаку долготы-краткости, то долгие и сверхдолгие эстонские гласные и согласные в заимствованном слове стягивались или выпадали, приспосабливаясь к русской произносительной манере. Однако эта закономерность не регулярна. Отмечаются случаи сохранения долгих согласных и гласных, особенно в речи молодежи и лиц, по роду занятий ближе связанных с эстонским литературным языком, но спорадически отмечается почти у всех носителей говора. Вследствие этого можно наблюдать произносительные варианты: *карт* ~ *káрт*, *пýсад* ~ *тýсад*, *клысь* ~ *клысьсь* и др. В отдельных словах, особенно в именах существительных (собственных), произносится долгий согласный — *Mánnи*, *Mátti*, *лénнук*.

Ударение в основной массе эстонских заимствований сохраняется на начальном слоге: *páhta*, *кáрзить*, *áзуник*, *вýйстлус*, *лíник*, *я́хта*. В некоторых словах, видимо, более ранних заимствованиях, ударение перешло на последний слог и расходится с соответствующими словами в языке-источнике, например, *максó*, *ля́ник*, *мурóк*, *грунтý*.

Заимствованные слова, у которых в языке-источнике наблюдается долгий палатализованный конечный согласный, как правило, сохраняют эту палатальность, ср. — *rull*, *klõss*, *bußs*, *kreßs*. Зафиксирован случай сохранения палатальности в производном от одного из таких слов — ср. *нóт'ка* < эст. *pot't*. В эстонском языке согласные в положении перед [e], как известно, не палатализируются. Эта закономерность в эстонских заимствованиях последовательно выдерживается согласным [p], что в какой-то мере может быть обусловлено общей тенденцией отвердения [p] в ряде русских говоров, в том числе и в исследуемом. Ср. *рэй*, *крéгид* 'ягоды терновника', *крéссид*. Отсутствие палатальности перед [e] обнаруживает и согласный [ð] — *рэ́дэл'*, *мýдэл'*.

Более интенсивному фонетическому освоению эстонских заимствований препятствовала, по всей вероятности, та степень билингвизма у носителей русского говора, при которой вырабатываются артикуляционные навыки обоих контактирующих языков, (например, в русском говоре не только в заимствованиях, но и в исконно русских словах произносится так наз. средний [l] в соответствии с велярным — *лóжка*, *взя́л*, *бы́л*, *белый*). Кроме того, сохранению орфоэпических особенностей эстонского языка способствуют постоянные контакты, в результате которых русские регулярно воспринимают акустический образ заимствованного слова языка-источника.

8. Грамматическое освоение заимствований тесно связано с фонети-

ческим оформлением слова, его семантикой и действием закона грамматической аналогии.

Так, существительные с конечным гласным [a] входят в разряд слов женского рода и изменяются в соответствии с парадигмой женского склонения: *клѣма в нас така́я, мяти́на от ка́льи* 'ботва брюквы', *о́на ре́вму ле́чит*. Существительные с основой на согласный относятся к именам мужского рода — *инвенту́р в них нача́лся, ве́йна возьми́*. Иногда оформление рода определяется родовым понятием слова или родовой принадлежностью соответствующего слова в русском языке. Например, хотя в эстонском языке слово *viib* оканчивается на согласный, оно усвоилось в русском языке как существительное женского рода ввиду принадлежности реалии к разряду рыб. Ср. *ви́мба ~ ви́мба-кала*. Присоединение слова *кала* 'рыба' как бы подчеркивает это положение. Слова *я́хта, трѣпка, па́хта* оформлялись как существительные женского рода по аналогии с русскими параллелями *охота, лестница, загородка* того же значения. Существительное *максó* приобрело флексию -o, видимо, по аналогии со словом *икрó* 'икра'.

Займствования, оформленные конечными гласным -и, -ы, понимаются как существительные множественного числа и приобретают иногда значение *pluralia tantum*, что уже отмечалось исследователями прибалтийско-финских заимствований в русских диалектах.¹¹ Ср. *грунтѣ з сосѣда куплены; суп с кли́мпиками; ма́ртики одева́лись во все тѣмное; ка́дрики ходи́ли в бе́лом; ри́сцы в се́редке поста́влены*.

В иных случаях сохраняется словоизменительная форма языка-источника, что не всегда говорит о недостаточной освоенности заимствования. Это может быть следствием того, что говорящий часто прибегает к эстонскому языку в его нормированной форме — *пюсад боля́т* (эстонский им. пад. мн. числа *puusad*), *возьми́ ко́рни* (долгота согласного и форма окончания указывают на эстонский партитив). В сочетаниях *сделана с максó* 'из печени', *загоні кур в айан* 'в загородку', *посмотри́ в айан* заимствования утратили способность изменять форму. Ср. слово *максó* остается неизменяемым; *айан* < южноэст. инессив ед. числа. В обоих случаях форма не зависит ни от русского, ни от соответствующего эстонского глагола. Такое положение может быть переходной ступенью к изменению по моделям языка-рецептора.

В словообразовательном отношении наиболее активными можно считать продуктивные в общерусском языке в сфере отыменных образований суффиксы -к(а) для слов женского рода: *трѣпка, сафре́йка, сибу́лька, по́тька*; бессуффиксные образования женского рода — *ср.кя́ська* (эст. *käsik*), *ла́та* 'жердь' (эст. *latt*), *кя́ра* 'тачка' (эст. *käru*), *лы́йма* 'пряжа' (эст. *lõim*), *па́хта* (эст. *paht*) *я́хта* (эст. *jaht*), а также образования с суффиксами -ик, -ник, -ок для имен мужского рода и *pluralia tantum*: *ко́рвик, су́зик, кы́блик, ла́хтрик, су́флик, кли́мпики, мы́зник, му́ро́к*. В единичных образованиях выступают форманты -ја, -чиха: *ка́лья, юкачи́ха*.

Таким образом, словообразовательные модели, по которым происходит морфологическое освоение эстонских заимствований, не отличаются особым разнообразием или специфичностью. Суффиксация является почти единственным способом словообразования, случаев префиксации не обнаружено. По моделям с формантами -к, -ик создаются не только новообразования с новым значением, но часто лишь с известной экспрессивной окраской, ср. *ко́рвик, ре́делька*. Тем не менее можно думать, что эстонизмы, подвергшиеся фонетическому и морфологическому

¹¹ Т. Г. Доля, В. С. Суханова, указ. раб., стр. 53.

освоению, составляют более ранний пласт заимствований. Слова же, сохраняющие морфологическую структуру языка-источника, можно считать поздними заимствованиями. Об этом свидетельствует и их семантика.

Известная бедность русских словообразовательных моделей при освоении эстонских заимствований объясняется, возможно, условиями двуязычия, при котором носители русского говора постоянно воспринимают эстонские слова, параллельные заимствованным, в оригинальном, не освоенном виде, т. е. язык-источник при усилении контактов и развитии высокой степени билингвизма в языке-рецепторе оказывает сопротивление фонетико-морфологическому освоению лексических заимствований.

Не имея показаний письменных памятников или ранее произведенных основательных диалектных записей, трудно сделать более решительные выводы о развитии лексической интерференции в таком интересном с лингвистической точки зрения районе столкновения двух генетически неродственных языков.

VEERA MÜRKHEIN (Tallinn)

ESTONIAN LOAN-WORDS IN THE VERNACULAR OF THE RUSSIAN-SPEAKING POPULATION OF THE DISTRICT OF MEHIKOORMA (ESTONIAN S.S.R.)

The vernacular speech of the Russian population living in the vicinity of Mehi-koorma in South Estonia is rich in Estonian loan-words. It is apparent that such borrowing has taken place over a considerable period of time.

The majority of the loans have come from the local Estonian dialect, e. g. *клысь* 'skim-milk', *пáхта* 'pig-pen', *мурок* 'farm-yard', *кáрзить* 'to card wool', etc., as well as from the Estonian national language, e. g. *ляник* 'firkin for butter', *максó* 'liver', *кля́мпники* 'dumplings', etc.

The phonetical peculiarities and noticeable changes in the morphological structure of these loan-words and their derivatives clearly indicate that they belong to an early stratum. The adoption of these words can be accounted for by the difference in the way of life of the native Estonian population and that of the later Russian settlers.

New borrowings from literary Estonian are also numerous, e. g. *выйстлус* 'emulation', *пырандаламп* 'floor lamp', *лэ́ннук* 'airplane', etc. That these loans are comparatively recent is proved by the fact that they have preserved their original Estonian pronunciation and morphological structure. The reason for the appearance of these new loan-words in the vernacular of the Russian population is obvious in view of the regional influence of the district where the native population speaks the literary Estonian language. Moreover, the immigrants have, to a greater or lesser extent, lost contact with the various dialects of their mother tongue, Russian, on its native soil.

В гидронимии выступает слово *вильда, вилда*. На русской территории гидроним зафиксирован как *Вилда*, а на территории коми — *Вилдэ*. В севернорусских диалектах, граничащих с коми языком, звук *в* между мягкими согласными перешел в *з*: *э'эз* 'эть', *др'эз* 'дрязь'. Этот звуковой процесс имел место в XV—XVII вв.¹ В коми варианте сохранился более древний *в*.

дер. *Канза*; фин. *kanza* 'товарищ, приятель', кар. *kanza* 'народ, общество, товарищ', нем. *kanz, kanz* 'семья, выводок', эст. *kanza, kanz* 'супруга, жена, товарищ'; лит. *kanzdė, kanzdė* 'свадьба' (SKES. I 156).

Исследователь вепсского языка Н. И. Богданов, опираясь на большой материал и используя его в сравнительном плане, считает, что первоначальное основное значение слова 'коллектив людей, семья и т.п.

¹ В. И. Дяткин, Фонетика севернорусских говоров в 1880-е гг. на основе русского диалекта в коми язык. — Материалы к исследованию по русской диалектологии 2, Москва—Ленинград 1949, стр. 149.